

Виктория Ледерман

ИСТОРИИ с последней ПАРТЫ

Уроков не будет! • Всего одиннадцать!

Виктория Валерьевна Ледерман **Истории с последней** **парты: Уроков не будет!** **Всего одиннадцать! или** **Шуры-муры в пятом «Д»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69664252

*Истории с последней парты : Уроков не будет!; Всего одиннадцать! или Шуры-муры в пятом «Д» : [для сред. шк. возраста: 6+] / Виктория Ледерман ; [авт. обл. А. Суменков]. : КомпасГид; Москва; 2023
ISBN 978-5-00083-890-7*

Аннотация

Две повести, вошедшие в этот сборник, давно заняли почетные места на книжных полках – и в семьях, и в библиотеках. И это не удивительно! Ведь Виктория Ледерман блестяще умеет описывать переживания героев и подсказывать им лучший выход из ситуации.

Ранее оба произведения выходили двумя отдельными книгами. Новое издание мы подготовили по просьбам читателей.

Рассказы из сборника «Уроков не будет!» посвящены ученикам младшей школы, с первого по четвертый класс. Что объединяет робких первоклассников с ветеранами из четвертого

«Б»? Неисправимых хулиганов с крепкими хорошистами? Все они в восторге от фразы «Уроков не будет!» – даже те, кто любит учиться!

В центре второй повести, включенной в сборник, вечный сюжет – любовь.

«Всего одиннадцать! или Шуры-муры в пятом „Д“» написана в форме чередующихся монологов трех главных героев. Ради любви – первой в жизни! – Егор и Никита готовы купить на скопленные деньги огромный букет цветов, засыпать единственную-неповторимую подарками, чудом достать билет на желанный для нее концерт! Вот только влюбились друзья в одну и ту же девочку – новенькую в пятом «Д», Ангелину...

Итак, самое время погрузиться в чтение: дружба, прогулы и даже любовный треугольник – у Виктории Ледерман любые приключения всегда увлекательны!

Содержание

Уроков не будет	6
Первый класс. Маргарита и дядька Пират	6
Второй класс. Второй «Б» не играет	45
Третий класс. «Пардон», «мерси» и «о-ля-ля!»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Виктория Ледерман Истории с последней парты: Уроков не будет!; Всего одиннадцать! или Шуры-муры в пятом «Д»

© Ледерман В. В., «Уроков не будет!», 2017

© Ледерман В.В., «Всего одиннадцать! или Шуры-муры в пятом „Д“», 2017

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

Уроков не будет

Первый класс. Маргарита и дядька Пират

Поиграть с «открученной» головой не удалось – в зале появилась тетя Лохмотька. Маргарита юркнула в шкаф для одежды, но дверцу за собой прикрыть не успела.

– Кто трогал манекен? – гневно заговорила тетя Лохмотька. – Сколько раз говорить: учебные головы не предназначены для игр! Они слишком дорогие. Дубровина, Катя, где ты там? Это ты опять привела с собой ребенка? Тут салон красоты, между прочим, а не детский сад!

Голос у нее был громкий и резкий, лицо – жутко раскрашенное. А на голове – целая копна волос, от чего голова казалась огромной и пушистой, как дворовая кошка Пуська. Она тоже так раздувалась и становилась похожей на меховой шар, когда к ней подбегала овчарка с первого этажа.

«Настоящая Баба-яга, – подумала Маргарита, из своего убежища глядя на сердитую мамину начальницу. – У нее, наверно, нюх на детей. Она их за пять километров чует. Ловит, а потом ест по ночам».

– Вот ты где, красота ненаглядная! – обрадовалась тетя

Лохмотька, вытягивая Маргариту из шкафа. – Давно не виделась! Что ты опять здесь делаешь?

– Маму жду, – буркнула Маргарита, вырываясь. – Пусти!

– Иди домой и жди. Мама отработает смену и придет.

– Не пойду. Я хочу здесь, с мамой.

– Поглядите на нее! Хочет она! – возмутилась тетя Лохмотька. – А если все мои мастера будут своих детей с собой приводить? Что здесь начнется?

– Извините, Анжела Робертовна, – виновато заговорила мама, прибежав из другого зала с ножницами в руках. – Я ей говорила не приходить. Маргарита, мы же с тобой договорились.

– Не договорились, – сказала Маргарита. – Я не пойду домой.

– Маргарита! – застонала мама.

– Избаловала ты ее вконец, Катерина, – покачала головой мамина начальница. – Ей только шесть лет, а она тебе уже на голову села.

– Мне семь, между прочим. – Маргарита показала ей язык.

– Вот-вот, ей семь, между прочим, – сказала тетя Лохмотька маме. – Как она у тебя осенью в школу пойдет – не представляю.

– Не пойду я ни в какую школу! – крикнула Маргарита и громко хлопнула дверью.

Маргарите уже давно исполнилось семь лет, в середине ноября. Мама собиралась отдать ее в школу в прошлом году, когда до семи оставалось всего два месяца. Но не смогла. Маргарита не захотела. Мама подумала-подумала и махнула рукой.

Сказала: «Ладно, посиди еще годик, время есть». Маргарита надеялась, что и в этом году будет то же самое. Мама поугovarивает-поугovarивает и бросит. Но в этом году она почему-то никак не отставала. То есть отставала на время, а потом снова заводила разговор. Идут они, например, мимо трехэтажного большого здания, а мама и говорит:

– А вот это твоя школа, Маргаритка. Здесь ты будешь учиться.

Или читает мама ей сказку на ночь, бросает на самом интересном месте и болтает по телефону целых полчаса. Маргарита ходит вокруг нее и дергает ее за руку, а мама отвечает:

– Вот пойдешь в школу, научишься читать, и не надо будет меня ждать. Возьмешь и считаешь сама.

Маргарита не могла понять: чего она все никак не успокоится? Ведь ее всегда было очень легко уломать. Вот хотела мама отвести Маргариту в музыкальную школу – и не отвела. Ничего у нее не получилось. Хотела на фигурное катание отдать – и это не вышло. Да и в детский сад Маргарита наотрез отказалась ходить. Она по несколько часов рыдала в раздевалке, вцепившись в дверную ручку. Мама не выдержала и через неделю сдалась. И стала оставлять Маргариту с

бабушкой своей подруги, учительницей на пенсии.

Бабушка подруги очень быстро отказалась от Маргариты, сказала, что она с ней не справляется. Потом были еще две няни по объявлению, которые тоже не могли с ней сладить. Маме ничего не оставалось, как брать Маргариту с собой на работу. Но тогда мама работала в другом салоне, и начальница там была другая. Не такая противная, как эта тетя Лохмотька. И она не запрещала сидеть в кресле перед зеркалом и брать накидки, ножницы и расчески. Правда, и «открученных» голов там не было, так что ругаться было не из-за чего.

В общем, в школу Маргарита абсолютно не собиралась. Только не могла придумать, как бы попонятней объяснить это маме. А тут вдруг мама сообщила, что им надо идти на примерку.

– На какую примерку? – насторожилась Маргарита.

– Тебе будут шить форму, – сказала мама.

– Какую форму?

– В которой ты будешь ходить в школу.

– Мама! – воскликнула Маргарита. – Мне не нужна форма. Я не буду ходить в школу. Я тебе тысячу раз говорила!

– Ну, Маргаритка, это очень хорошая школа, – заторопилась мама. – И ребята все хорошие... И учительница добрая, детишек любит.

– Откуда ты знаешь про учительницу?

– Я тебя уже к ней записала...

– Что?! – Маргарита задохнулась от негодования. – Мама,

ну кто тебя просил?

Мама стала рассказывать, как в школе здорово, как ребятам весело и интересно там учиться. Но Маргарита ничего не хотела слушать. Она плакала и кричала, заткнув уши пальцами:

– Не пойду, не пойду, не пойду!..

Потом плакала мама и глотала желтые таблетки, чтобы успокоиться. А потом они обнимались и целовались, и Маргарита горячо шептала маме на ушко:

– Мамочка, не отдавай меня в школу. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

– Но почему, Маргаритка? Там много детей.

– Я не хочу к детям. Они все злые и противные. Мне там будет плохо.

– Ну с чего ты это взяла? Может, тебе понравится в школе?

– Не понравится. Мне только с тобой нравится.

После долгих уговоров, скандалов и дорогих подарков Маргарита согласилась сходить на школьный праздник Первое сентября. И то только потому, что мама пообещала, что все время будет рядом.

Утром мама повязала Маргарите два огромных белых банта, помогла надеть рюкзак на спину и дала в руки цветы и воздушный шарик. И они отправились в школу. В подъезде им повстречался сосед снизу, дядя Марат. Или дядька Пират, как звала его Маргарита. Конечно, когда он не слышал.

У него была густая борода, прищуренный глаз из-за шрама на щеке, и от его рабочей куртки всегда пахло бензином.

– Ой, первоклашка шагает! А нарядная какая! – весело сказал дядя Марат, подмигивая прищуренным глазом. – Учиться идешь?

– И вовсе не учиться, – буркнула Маргарита. – Я только на праздник.

– Как это так? А завтра в школу не пойдешь, что ли?

– Нет.

– Почему?

– Потому! Не хочу, и все!

Маргарита взяла маму за руку и потянула за собой. Дядя Марат удивленно посмотрел им вслед.

Во дворе школы собралось очень много народу. Даже больше, чем на День города в парке. Никогда в жизни Маргарита не видела столько людей в одном месте. И столько цветов, и столько воздушных шариков.

– Почему их так много? – спросила она у мамы.

– Кого?

– Детей. Смотри, сколько их. И все в одинаковой одежде.

Откуда они взялись?

– Как – откуда? Они все учатся в этой школе.

– Все? – поразилась Маргарита. – Такая толпа в одной школе? Представляю, какой у них там шум и бардак.

– Никакого бардака нет. Все дети поделены на классы. В каждом классе свой учитель. Он и следит за порядком.

– А меня тоже?

– Что – тоже?

– Тоже поделили?

– Да, ты идешь в первый «А». Твою учительницу зовут Анна Андреевна. Запомнила? Пойдем искать твой класс.

Маргарита попыталась представить себе школу, поделенную на классы. У нее получилась глубокая яма, разделенная перегородками на большие квадраты. В каждом квадрате сидит множество детей. Все кричат и прыгают, карабкаются по стенкам и пытаются выбраться наверх. А возле квадрата стоит учительница и грозно щелкает кнутом, как дрессировщик в цирке.

– Мама, не надо в класс! – испугалась Маргарита. – Я не хочу к этой учительнице!

Она так разволновалась, что даже выпустила воздушный шарик. Все дети в школьном дворе задрали головы и смотрели, как он улетает все выше и выше. Шарик поднимался над деревьями, над фонарными столбами, над школьной крышей и становился все меньше. А потом еще долго краснел маленькой точкой в голубом небе.

Учительница Анна Андреевна оказалась невысокой худенькой старушкой с острым носом и маленькими глазками. Маргарита мысленно пририсовала к ее голове шляпку и сразу поняла, что она – вылитая Шапокляк из мультика. А все девочки с огромными бантами на головах были похожи на ушастых Чебурашек.

Анна Андреевна построила свой класс на маленьком пятячке возле забора. Маргаритин нос упирался в чей-то фиолетовый рюкзак. Щеку щекотала обертка букета. За спиной толкались и возились одноклассники. Маргарита с трудом обернулась и нашла глазами маму. Мама улыбнулась ей и кивнула. Маргарита хотела дотянуться до нее, но не смогла поднять руку. Так и стояла, плотно зажатая со всех сторон, и ничего не видела. Только слышала. Громкие голоса эхом разносились по школьному двору. Взрослый голос, потом детские голоса, потом снова взрослые. Маргарита даже не прислушивалась к тому, что эти голоса говорили. Ей было не до них. Солнце слепило глаза, спина чесалась под шелковой блузкой и плотной жилеткой, кожа на голове болела от туго завязанных бантов. Маргарита ждала, когда этот ужас закончится и они с мамой пойдут домой.

Прошла целая вечность, пока Маргарита услышала слова: – Наша школьная линейка подошла к концу. А теперь приглашаем первоклассников в школу, на первый праздничный урок!

Мальчики и девочки с рюкзаками побрели гуськом за Анной Андреевной. Следом шли родители. Маргарита пропустила вперед всех детей, дождалась маму и наконец схватила ее за руку.

Никакой ямы и никаких клеток в школе не оказалось. Там были длинные коридоры и большие комнаты со столами и стульями. Эти комнаты назывались кабинетами. Анна Ан-

древна так и сказала:

– Это наш кабинет, запомните его. Сюда вы будете приходить каждое утро.

Маргарита ужаснулась. Каждое утро! Терпеть весь этот кошмар! Ну уж нет, с нее хватит и одного дня. Больше она здесь не появится.

Она так и сказала маме, когда они шли домой.

– Как? Тебе не понравился праздник? – удивилась мама. – Это же Первое сентября! Твой первый школьный день.

Маргарита внимательно посмотрела на нее: она что, издевается? Как это могло понравиться?

– Мама, я в школу ходить не буду, – твердо заявила Маргарита. – И давай закроем эту тему.

Она по телевизору такое слышала, в мамином сериале. «Давай закроем тему». Эти слова казались Маргарите очень вескими. И окончательными. После них уже точно мама должна была понять, что Маргарита настроена серьезно.

Но мама почему-то не поняла. И на следующее утро вновь стала ее будить.

– Куда мы? На работу? – спросила сонная Маргарита.

– В школу, – сказала мама.

Маргарита тут же устроила бурный скандал с криками, слезами и разбрасыванием по комнате ручек, карандашей и тетрадок.

В школу она все же пошла. Для этого маме пришлось потратить пять минут на уговоры, десять минут на упрашива-

ния, пятнадцать минут на разговоры о школе и приличную сумму денег в магазине игрушек.

На первом уроке учительница Анна Андреевна рассказывала о школьных правилах. О том, что урок начинается и заканчивается со звонком. Что надо вставать, когда учитель входит в класс. Что урок длится целых сорок минут и в это время нельзя разговаривать, вертеться и шуметь. Даже вставать и то нельзя. Можно только сидеть и слушать.

Эти правила Маргарите не понравились. И Анна Андреевна тоже не понравилась. У нее был громкий голос, от которого звенело в ушах, и очень строгое лицо, будто она сердилась на всех сразу. А еще она оглушительно хлопала в ладоши, чтобы добиться тишины, и Маргарита каждый раз подпрыгивала на своем стуле от неожиданности. А еще Анна Андреевна почему-то всех звала по фамилиям. Обращаясь к Маргарите, она называла ее Дубровина. Это было неприлично и ужасно резало слух. Маргариту никто никогда не звал по фамилии вместо имени, и теперь ей казалось, что учительница специально издевается над ней.

Потом Анна Андреевна стала всех пересаживать. И посадила Маргариту возле двери. А ей хотелось остаться у окна. В окно смотреть было намного приятнее, чем слушать учительницу.

– Я не буду там сидеть, – сказала Маргарита, взяла рюкзак и пошла обратно к окну.

– Дубровина! – воскликнула Анна Андреевна. – Ну-ка

быстро вернись на свое место.

– Не хочу!

– Дубровина, ты будешь сидеть там, где я сказала. Вернись!

– Не вернусь. Мне там не нравится.

– Может быть, ты хочешь, чтобы я отвела тебя туда за ухо?

Маргарита замолчала и задумалась. Нет, этого она совершенно не хотела. Ее никто никогда не таскал за ухо, но она подозревала, что это довольно неприятно и обидно. Она взглянула исподлобья на сердитую учительницу и нехотя повиновалась.

На перемене первоклассники сидели в классе и слушали, как надо себя вести на перемене. На втором уроке писали в тетрадях прямые палочки и палочки с наклоном. А потом Маргарите надоело учиться. Она сложила свои тетрадки и ручки в рюкзак и ушла. Ее никто не видел – после второго урока Анна Андреевна повела первый «А» в столовую.

Маргарита отправилась на работу к маме. Она не знала дорогу от школы до салона красоты, поэтому пошла сначала домой, а уже от дома – до салона. Конечно, это было не так быстро, как напрямик, зато не заблудишься.

В холле Маргарита сразу наткнулась на тетку Лохмотьку.

– А, школьница пожаловала, – сказала она недобрым голосом. – Чего тебе здесь надо?

– Я к маме.

– Нет тут твоей мамы. Иди домой.

Маргарита попыталась пройти мимо нее в зал. Но мамина начальница преградила путь – встала в проходе, руки в боки.

– Куда собралась? Нечего тебе там делать.

– Пусти меня к маме! Ма-ма!

– Ты русский язык понимаешь? Нет мамы. Не пришла еще. У нее смена в два часа.

– Ты врешь!

– Чего?! Ах ты, козявка! – совсем рассвирепела тетя Лохмотька. Она схватила Маргариту за рюкзак и выволокла на крыльцо. – Вот когда тебя в школе научат, как себя вести и как со взрослыми разговаривать, тогда и придешь! – рявкнула она.

– Я все маме расскажу! – обиженно крикнула Маргарита. – Что ты меня не пускаешь!

Тут к салону подлетела запыхавшаяся мама и кинулась обнимать Маргариту.

– Нашлась! Нашлась! Боже мой! Нашлась! – всхлипывая, повторяла она. И крепко-крепко прижимала к себе Маргариту.

– Мам, ты чего? Мам?

Маргарита удивленно высвобождалась из маминых объятий.

– Я чуть с ума не сошла... Мне из школы позвонили: ваша дочь пропала... – говорила мама и целовала Маргариту куда попало: в щеки, в нос, в глаза.

– Мам! Да никуда я не пропала, – сказала Маргарита, вы-

тираясь ладошкой от маминых поцелуев. – Я просто к тебе пошла.

– Ремня ей надо дать хорошего, а не целовать! – сердито сказала мамина начальница и скрылась за дверью салона.

Мама наконец успокоилась и отпустила Маргариту.

– Почему ты ушла?

– Мне стало скучно. И я захотела к тебе.

– Ты даже никому не сказала, что уходишь! Знаешь, как Анна Андреевна испугалась?

– А чего ей пугаться? У нее еще полным-полно детей осталось.

– Маргаритка, послушай! Из школы нельзя уходить просто так, когда тебе захочется.

– Почему?

– Как – почему? Это же школа. И ты в ней ученица.

– Ну и что?

– В школе есть правила. Учительница – главная. Надо делать то, что она говорит.

– А если я не хочу?

– Все равно надо.

– А если она мне не нравится?

– Ну и что? Ее надо слушаться.

– Почему?

– Потому что так положено в школе. Поняла?

Маргарита замолчала. Она поняла. Школа – это место, где все должны делать то, что не хочется, и слушаться того, кто

не нравится. Только не поняла зачем.

На следующий день Анна Андреевна отругала Маргариту перед всем классом за вчерашний поступок. Назвала ее безобразницей и нарушительницей дисциплины. Маргарита обиделась и снова ушла. На этот раз домой. Поэтому мама не искала ее по улицам и не глотала желтые таблетки от нервов.

За первую неделю учебы Маргарита ушла с уроков три раза. Она уходила бы и чаще, да только не получилось. Учительница очень зорко за ней следила на переменах, а в столовую вела за руку.

В понедельник Анна Андреевна объявила родителям:

– Теперь приходите за детьми в одиннадцать тридцать. У нас добавился четвертый урок. Сегодня это музыка. А завтра – рисование. Нужно будет принести альбомы и цветные карандаши.

После третьего урока Маргарита взяла рюкзак и пошла к двери.

– Дубровина, куда это ты собралась? – окликнула ее Анна Андреевна. – У вас еще один урок. Сейчас придет учитель музыки, и вы будете петь.

– Я не хочу петь, – сказала Маргарита и вышла из класса. Учительница догнала ее в коридоре.

– Дубровина! Тебя никто не отпускал. Музыка – точно такой же важный урок, как чтение и письмо. Так что будь любезна, вернись в класс и пой вместе со всеми.

– Но ведь петь надо, когда хочется, – сказала Маргарита. –

А мне сейчас совсем не хочется. Настроения нет.

– Настроения у нее нет! – возмутилась Анна Андреевна. – А завтра ты рисовать не захочешь? А послезавтра – лепить?

– Я еще не знаю, – честно сказала Маргарита. – Про завтра я только завтра узнаю.

– У нас есть четкое расписание. В понедельник вы поете, во вторник рисуете, в среду занимаетесь физкультурой...

– Как же можно петь и рисовать по расписанию?

– Ох, Дубровина, я с тобой с ума сойду!

Анна Андреевна силой оттащила Маргариту в класс. А после четвертого урока сказала маме, которая пришла ее забирать:

– Вот что, Екатерина Игоревна. Я не могу постоянно следить за вашей дочерью. Я вам не надсмотрщик. У меня таких тридцать человек. Вот сидите здесь и караульте ее. А не можете, тогда забирайте и учите дома сами.

Маргарита очень обрадовалась. Вот здорово, если мама будет учить ее сама! Из мамы получится очень хорошая учительница, она никогда не кричит и не ругается, не то что эта сердитая Анна Андреевна.

Но мама сказала, что каждый человек обязательно должен ходить в школу. И лучше она сядет за парту вместе с Маргаритой, чем даст ей загубить свое будущее. Маргарита не поняла, что это значит. А мама и в самом деле села за парту в первом «А». Правда, не рядом с Маргаритой, а на заднюю парту среднего ряда. Но Маргарита все равно была на

седьмом небе от счастья. Она несколько раз за урок украдкой оглядывалась назад и радостно вздыхала. Сейчас, когда мама была рядом, ей не хотелось никуда убегать. И было настроение и петь, и рисовать. И даже писать ненавистные палочки с наклоном и раскладывать карточки с цифрами.

Так прошли целых две недели. Это было прекрасное время. Утром мама с Маргаритой шли в школу, учились там четыре урока, а потом вместе отправлялись на работу. Маргариту никто больше не выгонял, и она могла играть с головками-манекенами сколько хотела. Тетяка Лохмотька отдыхала где-то в жарких странах, а Маргарита отдыхала от нее. И все были довольны.

А в воскресенье к вечеру случилась беда. У мамы заболел живот. Так сильно заболел, что пришлось вызвать скорую помощь.

– В больницу! – скомандовала громкая круглолицая докторша, похожая на Ньюшу из «Смешариков». – Собирайтесь.

– Я не могу в больницу, – слабо запротестовала мама. – Дайте мне таблеточку...

– Какую таблеточку?! – гаркнула докторша. – Вам на операционный стол надо, срочно!

Маргарита схватилась за маму и заплакала. От этих слов веяло холодом и ужасом. Мама обняла ее, морщась от боли:

– Но как же... У меня дочка... Оставить не с кем.

– Вот если думаете о дочке, быстро собирайтесь. Не то поздно будет.

Маргарита крепче вцепилась в маму и зарыдала в голос. Ее с трудом оторвали и увели на кухню. Докторша сидела с ней там, пока мама собиралась.

– Ничего страшного, детка. Маму немного полечат в больнице и отпустят, – говорила она, но Маргарита ей не верила. Ей казалось, что маму забирают навсегда. – Есть у вас родственники или знакомые? Давай им позвоним. Они придут и посидят с тобой.

Маргарита хрипло выла и мотала головой. Ей никто не был нужен, кроме мамы.

Мама так плохо себя чувствовала, что едва могла идти по лестнице. Докторша поддерживала ее под руку.

– Маргаритка... позвони тете Юле... или тете Маше... – задыхаясь, шептала мама. – Там, в моем телефоне... С моего телефона позвони...

– Нет! Нет! Нет! – кричала Маргарита на весь подъезд. – Мама, я с тобой!

Во дворе они столкнулись с дядей Маратом. Разобравшись, в чем дело, он подхватил на руки визжащую Маргариту.

– Все будет хорошо, соседка, – сказал он. – Мы сейчас же всем позвоним. Я твою дочку не оставлю, передам из рук в руки. Езжай и ни о чем не беспокойся. Главное, выздоравливай.

Маргарита долго сидела на диване, обняв подушку, и плакала. А дядя Марат пытался дозвониться до маминых по-

друг. Тетя Юля не брала трубку, а у тети Маши телефон был выключен. А часа через два от тети Юли пришло сообщение, что она находится в другом городе в командировке и приедет только через две недели.

— Ну что, Рита, — сказал дядя Марат. — Пойдем ко мне. Тебе спать пора ложиться. Собирай все, что нужно для школы.

— Я не Рита, а Маргарита, — буркнула Маргарита. — И я никуда не пойду.

— Почему?

— Потому что не хочу. Мне у тебя не нравится.

— Так ты же там ни разу не была.

— Ну и что? Все равно не нравится.

Дядя Марат походил по комнате, потом остановился возле Маргариты:

— Маргарита, я ухожу. Ты со мной?

— Нет!

Дядя Марат сказал:

— Если передумашь, квартира внизу, под вами. Стучи громче, звонка нет.

И вышел из квартиры. Маргарита кинулась к захлопнувшейся двери и закричала:

— Ну и уходи! Противный дядька Пират! Я и без тебя проживу! А завтра вернется мама, и я ей все расскажу! Как ты меня бросил!

Дядя Марат ничего не ответил. Наверное, и в самом деле ушел к себе. Маргарита взяла свое одеяло, легла на мамину

кровать и решительно закрыла глаза. Подумаешь, ушел! Она уже не маленькая, может и одна ночевать.

Маргарита ночевала одна долго, целых двадцать минут. Потом вскочила и побежала вниз, к дяде Марату. Он разложил кресло, и Маргарита уснула в нем как убитая.

– В школу я тебя смогу отвести, – сказал дядя Марат утром. – А забрать не получится, я буду на работе. Сама дойдешь?

– Я не пойду в школу, – ответила Маргарита. – Отвези меня к маме.

– К маме пока нельзя, ей сделали операцию. Нужно подождать несколько дней, пока ей станет лучше.

– Откуда ты знаешь?

– Я звонил утром в больницу. Ешь давай, а то в школу опоздаешь.

Маргарита отодвинула от себя тарелку с гречневой кашей.

– Я это не ем.

– А что ты ешь? – спросил дядя Марат.

– Блинчики с вареньем. Или запеканку.

– Ну извини, блинчиков нет. И запеканки тоже.

– А мама взяла бы и испекла.

– Но я-то не мама. Ешь кашу.

– Не буду.

– Хорошо, – сказал дядя Марат, забрал у нее тарелку и поставил чашку с чаем. – Давай быстрее, нам еще к тебе идти, за формой и рюкзаком.

– А что к чаю? – спросила Маргарита.

– Сахар. – Дядя Марат подвинул ей сахарницу.

– Только сахар? – надулась Маргарита. – Мне надо кекс или ватрушку. Ну или конфету. Я такой чай не пью.

– Без проблем.

Дядя Марат спокойно вылил чай в раковину. И повел Маргариту вверх собираться в школу.

– Как я в школу без завтрака пойду? – упиралась Маргарита и колотила его по руке.

– Ты не хочешь завтракать.

– Я хочу завтракать!

– Кто хочет завтракать, тот завтракает, а не выкаблучивается.

Дядя Марат довел Маргариту до школы. Он сказал, что придет с работы в четыре часа и сразу зайдет к ней. И они снова будут звонить тете Маше. Может быть, сегодня она возьмет трубку.

Маргарита сидела в классе голодная и несчастная. Она оглядывалась на заднюю парту и горько вздыхала. Без мамы в школе было пусто и тоскливо. А еще эти противные дети вокруг... Их так много, и они такие шумные! Ужас!

Маргарита не сбежала сразу только потому, что очень хотела есть. Она с трудом высидела два урока, поела вместе со всеми в столовой, а потом улучила момент и выскользнула за дверь.

Сначала Маргарита хотела пойти домой. Ключи у нее бы-

ли, дядя Марат положил их утром в кармашек рюкзака. Но что делать дома, если там нет мамы? И Маргарита решила ехать к маме в больницу. Вот только как узнать, в какую? Больниц, наверное, много. И людей в больницах тоже много. Как найти среди них маму?

Маргарита пошла на автобусную остановку возле школы. Она поднималась во все подъезжающие автобусы и спрашивала у кондукторов:

– Этот автобус идет в больницу?

– В какую больницу? – спрашивали те.

– В такую, где лежат... когда болит живот.

Кондукторы пожимали плечами или качали головой. Но через некоторое время Маргарите повезло. Ей сказали, что этот автобус идет как раз до больницы, и даже разрешили ехать к больной маме без билета.

В больнице мамы не оказалось. Женская голова в больничном окошке сказала, что такую больную вчера не привозили.

Расстроенная Маргарита долго бродила по улице. Она забыла, на каком автобусе сюда приехала, и понятия не имела, в какой стороне ее дом. Потом она устала и села в первый попавшийся троллейбус, который увез ее в незнакомый район города. Она вышла на конечной остановке, огляделась, поняла, что окончательно заблудилась, и заплакала в голос. Тут же вокруг нее собралась толпа. Все спрашивали, почему она гуляет одна и где ее мама, и от этого Маргарита плакала

еще громче. Она так устала жить без мамы!

Потом кто-то из прохожих догадался залезть в ее рюкзак и вытащить дневник. А в нем были написаны и ее имя, и школа, и класс, и даже домашний адрес. Это мама позаботилась и аккуратно заполнила всю первую страницу дневника. Словно знала, что это понадобится.

Двое прохожих, дедушка с бабушкой, вызвались отвезти Маргариту домой. Они ехали на троллейбусе, потом на автобусе, потом шли пешком. Маргарита удивилась, как далеко она, оказывается, забралась. Сама она ни в жизни не вернулась бы обратно!

Они подошли к подъезду одновременно с дядей Маратом, который возвращался с работы. Бабушка и дедушка отдали ему Маргариту да еще отругали, что у него ребенок бегает по всему городу один, без присмотра. Дядя Марат застыл на месте столбом и даже не знал, что им ответить. И глаза его от удивления стали как чайные блюдца, даже прищуренный глаз почти открылся.

– Что это такое? – ошеломленно спросил он, когда они поднялись в квартиру. – Почему тебя приводят чужие люди? Где ты была?

– Маму искала.

– И где же, интересно, ты ее искала?

Маргарита не успела ответить, потому что в дверь позвонили. Это пришла Анна Андреевна. Она окинула Маргариту тяжелым взглядом, увела дядю Марата на кухню и очень

долго с ним разговаривала. Маргариту на кухню не пустили. Даже дверь закрыли, чтобы она ничего не слышала.

– Вот, значит, какая ты, Рита-Маргарита, – задумчиво сказал дядя Марат, когда учительница ушла. – Проблемы у нас с тобой. Анна Андреевна на тебя жалуется.

– Она всегда на меня жалуется, – отмахнулась Маргарита. – Она же учительница. У нее работа такая – на детей жаловаться. Не обращай внимания. Давай лучше тете Маше звонить. Я к ней поеду жить. Мне надоело у тебя.

У тети Маши снова телефон был выключен.

– А где она живет? – спросил дядя Марат. – Можно съездить к ней домой и поговорить.

– Поехали, – обрадовалась Маргарита. – Надо ехать на трамвае.

– На каком?

– На таком красивом. На красном, с желтыми полосами.

– Понятно. Адрес тети Маши знаешь?

– Дом знаю. Он зеленый. Первый подъезд, первый этаж.

– Ясно, – вздохнул дядя Марат. – Хочешь не хочешь, а жить нам с тобой вместе, Маргарита. Пока мама из больницы не выйдет.

Утром дядя Марат отвел Маргариту в школу.

– После занятий иди сразу домой, – сказал он. – И сиди жди меня. По улицам одна не бегай. Тебя в полицию могут забрать. Поняла?

Маргарита буркнула что-то себе под нос. Она была в ужасном настроении. Этот противный дядька Пират снова пытался накормить ее неправильным завтраком, на этот раз вареными яйцами. И теперь она была голодная, сердитая и очень скучала по маме. А как можно сидеть в школе и слушать учителя, если у тебя плохое настроение и ты скучаешь по маме?

Маргарита снова выдержала только два урока – до столовой. А потом пошла домой. По улицам больше бегать не стала – чего доброго, и правда полиция заберет.

Дядя Марат появился очень быстро, ему позвонила Анна Андреевна. Маргарита обрадовалась, что он пришел, – не пришлось долго сидеть одной в пустой квартире. Она даже выбежала ему навстречу, а он, вместо того чтобы тоже обрадоваться, прямо с порога стал ругаться:

– Ты почему дома? Маргарита, мы же с тобой договорились!

– Договорились, – подтвердила Маргарита. – Ты сам сказал домой идти. Я и пошла.

– Я сказал: после школы! Когда уроки закончатся! Почему ты снова ушла?

– Захотела и ушла! Тебе-то что?

– Ты всегда делаешь только то, что хочешь?

– Ну да. Зачем что-то делать, если не хочется?

– А как же школа?

– Я не буду ходить в школу. Там скучно. Там одни балбесы учатся.

– А ты, значит, умная? Ты уже все знаешь? Умеешь читать, писать и считать?

– А мне не надо уметь, у меня мама есть. Она все умеет.

– Как же ты собираешься деньги зарабатывать, когда вырастешь? На что ты будешь жить, покупать еду и одежду?

– Я буду тетенькам волосы стричь, как мама. Там не надо читать и писать. Там нужны только острые ножницы и красивые расчески.

– Значит, школа тебе не нужна? – спросил дядя Марат.

– Не нужна! – воинственно заявила Маргарита.

– И что ты будешь делать вместо школы?

– Гулять, смотреть мультики, играть в игры на мамином телефоне... Ну еще ходить в торговый центр, на карусели и в кино.

– То есть отдыхать и развлекаться? – уточнил дядя Марат.

– Да, – подтвердила Маргарита.

Дядя Марат замолчал. Походил по комнате с задумчивым видом, потом вдруг остановился и хлопнул себя по лбу.

– Точно! – радостно воскликнул он. – Маргарита, ты просто молодец! Это ты хорошо придумала!

Маргарита совсем не возражала, что она молодец. Она всегда это знала. Только не поняла, почему у дяди Марата вдруг так резко поменялось настроение. Только что ругал ее, а теперь хвалит, да еще радуется. И она настороженно спросила:

– Дядя Марат, ты чего?

– Знаешь, что я подумал? Я тоже не буду ходить на работу! Мне надоело!

Маргарита недоверчиво посмотрела на него. Шутит, что ли? Как это может быть, чтобы взрослые не ходили на работу?

– Ты правильно сказала: зачем делать то, что не хочется? – продолжал дядя Марат. – Кто придумал эти правила, что взрослые должны работать, а дети – учиться? Ерунда это все, глупости. Правда?

Маргарита осторожно кивнула. Неужели это все серьезно? Оказывается, не такой уж он злой и противный, этот дядька Пират.

– И ты меня не поведешь завтра в школу?

– Нет. И сам никуда не пойду. Будем с тобой отдыхать и развлекаться.

– И к маме поедем? – обрадовалась Маргарита.

– Нет, к маме пока нельзя, – покачал головой дядя Марат. – Но мы будем каждый день звонить в больницу. И как только нам разрешат ее навестить, мы съездим туда. А сейчас я схожу к себе, переоденусь, и мы пойдем гулять. Собирайся.

Маргарита с дядей Маратом весь день гуляли в парке, катались на каруселях, плавали по озеру на водном велосипеде и ели сладкую вату. Маргарита радовалась: вот это жизнь! Никакой школы, скучных уроков и крикливой Анны Андреевны. Красота! Дядя Марат оказался очень веселым и доб-

рым. Это сначала он строил из себя грозного дядьку и ругался, потому что не знал, как надо обращаться с детьми. А теперь он понял, что с детьми надо дружить и все им разрешать! И тогда никто ни на кого не будет обижаться, расстраиваться и глотать желтые таблетки от нервов.

Потом Маргарита захотела в кино. Дядя Марат купил билеты на новый мультфильм, который вышел совсем недавно. Они вошли в зал и сели на свои места.

– А почему нет детей? – спросила Маргарита, вертя головой в разные стороны. – Когда мы с мамой идем в кино, детей всегда много.

– Потому что все дети еще в школе, – объяснил дядя Марат. – Они же не знают, что можно совсем не учиться. Это только мы с тобой такие умные. Вот и додумались до этого.

– Ага, – довольно кивнула Маргарита и даже взяла его за руку. Какой же он все-таки классный! Как ей повезло, что она не поехала жить ни к тете Маше, ни к тете Юле.

Но оказалось, что детей нет совершенно по другой причине. И когда начался не мультик, на который они пришли, а другой фильм, все стало ясно.

– Ну извини, – виновато сказал дядя Марат расстроенной Маргарите. – Открою тебе секрет: я не очень любил школу. Постоянно сбегал, прогуливал уроки, вот теперь плохо читаю. Но это ничего, подумаешь, перепутал. Посмотрим этот фильм. Главное, что мы развлекаемся. Правда ведь?

Маргарита сердито выдернула руку и отвернулась. И весь

фильм просидела надувшись. А под конец начала зевать и даже чуть не уснула. Фильм оказался ужасно скучным: какие-то люди, машины, разговоры... И ничего не понятно. То ли дело мультики, красивые, интересные и смешные! Сейчас бы сидела, смотрела и радовалась. Ну дядька Пират дает! Такой большой, а читать как следует не научился. Позор!

На обратном пути Маргарита позвала дядю Марата в супермаркет. Раз провинился, пусть теперь новую куклу ей покупает. А еще пирожные, лимонад и вкусные конфеты с орехами в красивой золотистой коробке.

Они погуляли по супермаркету, набрали разных товаров и подкатили тележку к кассе.

– И что вы мне даете? – удивилась пожилая женщина на кассе.

– Деньги, – сказал дядя Марат, вертя в руках денежную купюру.

– Вы издеваетесь? Загрузили телегу до отказа, а платить нечем?

– Да почему нечем? Это что, не деньги?

– Мужчина! Вы глупый? Да этого даже на хлеб с молоком не хватит! Вы что, считать не умеете?

– Ну, честно говоря, не очень, – пробормотал дядя Марат и искоса взглянул на Маргариту. Та смотрела на него во все глаза. Даже рот открыла от изумления.

– Не морочьте мне голову! Если нет денег, оставляйте тележку и идите отсюда! – рассердилась кассирша.

Дядя Марат и Маргарита вышли из супермаркета с одной буханкой хлеба и пачкой масла.

– Дядя Марат! Ты чего?! И правда считать не умеешь?! – накинулась на него Маргарита. – Ты же вон какой большой! Мама и то умеет! Она всегда знает, хватит у нее денег на продукты или нет!

Ей было жалко, что пришлось оставить куклу и пирожные. И еще очень неприятно, когда на тебя кричат на кассе и говорят, что ты глупый.

– Да-а, твоей маме хорошо, – оправдывался дядя Марат. – Твоя мама в школе училась. Ей там, наверное, интересно было, вот она и не убегала. А я, только учительница отвернется – хватать портфель, и за дверь! Вот так и пробегал всю математику. И другие уроки тоже.

Маргарита тяжело вздохнула:

– Ладно, пойдем домой, возьмем деньги и снова придем. И купим куклу!

– А у меня деньги закончились. Это были последние. – Дядя Марат потряс пакетом с хлебом.

– Как – последние? И что, больше нет?

– Нет.

– Совсем-совсем нет? Что же теперь делать?

Дядя Марат почесал голову.

– Ну и ладно, ничего страшного. Без куклы ведь можно обойтись, правда? И без пирожных. А хлеб и масло у нас есть. Так что с голоду не умрем.

Вечером они варили макароны и ели их с маслом и хлебом. Сначала Маргарита не хотела есть один гарнир, без сосисок или котлет. Она так не привыкла. Но дядя Марат показал ей свой пустой холодильник и развел руками. Потом они отправились наверх и убедились, что и в другом холодильнике тоже нет ничего вкусного. Мама не успела купить продукты на неделю. Пришлось ужинать «пустыми» макаронами и пить невкусный чай с сахаром.

На следующий день дядя Марат, как и обещал, не пошел на работу. И Маргариту в школу не пустил. Они снова гуляли по парку, но на этот раз отдыхать и развлекаться было не очень весело. Они ходили по дорожкам и смотрели, как другие кружатся на каруселях, едят сладкую вату и катаются по озеру на водных велосипедах. Даже уток покормить и то не удалось – не на что было купить булку.

– Дядя Марат, а когда у тебя получка? – спросила Маргарита за ужином, тоскливо ковыряя ложкой в тарелке с кашей.

– Какая получка?

– Ну, обычная получка. Которая бывает у всех взрослых.

– Получка бывает у тех взрослых, которые работают. А я больше не работаю.

– Теперь у тебя совсем не будет денег? Никогда?!

– Откуда же они возьмутся, сама подумай.

– А что мы будем есть?! – в отчаянии воскликнула Маргарита.

– За это не беспокойся, – весело сказал дядя Марат и открыл кухонный шкафчик. – Смотри, какие запасы гречки и макарон. Мы можем есть их хоть целый год.

– Я не хочу целый год! – закричала Маргарита и оттолкнула от себя тарелку. – Мне надоели твои макароны и каша! Я хочу конфеты! Торт, апельсины, виноград! Я колбасы хочу!

Она выскочила из-за стола и побежала в комнату. И целый вечер не разговаривала с дядей Маратом. А наутро отказалась идти гулять. Сидела целый день в кресле и смотрела телевизор. Дядя Марат лежал рядом, на диване, и тоже смотрел. А потом телевизор вдруг перестал показывать. Мультфильмы исчезли, и по экрану пошла серая рябь.

– Ой, я, кажется, за следующий месяц за телевидение заплатить забыл, – хлопнул себя по лбу дядя Марат. – А теперь и платить нечем.

– Что?! Теперь еще и телевизора нет? – возмутилась Маргарита. – Совсем делать нечего!

Она побродила по комнате, потом подошла к нему:

– Поиграй со мной во что-нибудь.

– Да ну, неохота. Нет настроения.

– А ты поиграй без настроения.

– Как же можно играть без настроения? Я не могу делать то, что не хочу.

– Ну, хоть книжку мне почитай!

– Так я не умею, ты забыла?

– Тогда расскажи что-нибудь интересное.

– Я не знаю ничего интересного.

Маргарита обиженно сдвинула брови:

– Как с тобой скучно! Ты ничего не знаешь и не умеешь! А вот с мамой всегда интересно! Она и читает, и рассказывает, и играет со мной!

– Подумаешь, мама! – сказал дядя Марат. – Зато знаешь, как мне в детстве здорово было? Я на улице гулял, а твоя мама в школе за партой сидела. Я отдыхал и развлекался, а она дома уроки учила. Ей нужно было скучные упражнения в тетрадь писать, стихи разные наизусть заучивать, а я в это время в кино веселые мультики смотрел. Что хотел, то и делал. А твоя мама все свое детство мучилась и страдала. Вот так!

– Но зато ей теперь хорошо, – неуверенно возразила Маргарита.

– И что хорошего? Она теперь работает с утра до ночи. А еще и учится вместе с тобой. А я – смотри-ка – на диване валяюсь и в потолок плюю. Ну и кому из нас лучше, твоей маме или мне?

Маргарита ничего не ответила. Взяла книжку-раскраску и забилась в свое кресло. Яростно водила карандашом по рисунку и сердито поглядывала на дядю Марата.

А на следующий день вкрадчиво поинтересовалась:

– Дядя Марат, а твой начальник не будет ругаться? За то, что ты на работу не ходишь?

– А пусть его ругается, – отмахнулся дядя Марат. – У него

работа такая. Начальникам положено ругаться.

– Может, ты сходишь поработаешь немного?

– Вот еще! Я же там устану.

– Ну и что? Устанешь немножко. Зато начальник заплатит тебе деньги.

– Зачем нам деньги? У нас всё есть. – Дядя Марат показал на кастрюлю, в которой помешивал макароны.

Маргарита швырнула ложку на стол и убежала в комнату. И не стала завтракать. И обедать тоже не стала. А за ужином съела все макароны, которые остались от завтрака.

Выходные прошли скучно. За окном моросил дождь. Дядя Марат, как всегда, валялся на диване и смотрел в потолок. Маргарита сидела в кресле и играла в игры на мамином телефоне. Ели они снова макароны и гречку. Теперь уже даже без хлеба, потому что он закончился еще в пятницу.

Зато утро понедельника принесло хорошие новости – маму перевели в палату и ее можно навестить.

– Ура! – кричала Маргарита и восторженно скакала по комнате. – Мы едем к маме! Ура-а-а!!!

– Не сейчас, – сказал дядя Марат. – В больницу пускают только вечером. А еще больным надо привозить гостинцы. А у нас денег нет даже на автобус.

– Так, дядя Марат, ты сейчас идешь на работу и зарабатываешь деньги, – скомандовала Маргарита. – А вечером мы покупаем гостинцы и едем к маме.

– Ишь, какая хитрая, – сощурился дядя Марат. – Я, зна-

чит, буду работать, а ты – дома прохладиться? Разве это справедливо? Мы же договорились вместе отдыхать.

– Дядя Марат! Ты что, маленький? Ты не понимаешь, что ли, что нам деньги нужны? Для мамы! И я тоже не буду дома сидеть. Я... в школу пойду.

– Ты? В школу?! Да ты убежишь после первого урока!

– Не убегу. Честное слово. Пойди поработай, а?

– Ну, смотри, как только ты убежишь, мне сразу позвонит твоя учительница, – предупредил дядя Марат. – И тогда я тоже убегу. Мы останемся без денег и к маме не поедem.

– Да не убегу я, – повторила Маргарита и вздохнула.

Она не убежала. Дотерпела до самого конца, даже на музыку осталась. Правда, учительницу совсем не слушала и почти ничего не писала. В голове была только мама. Как же давно они не виделись! Подумать только: Маргарита прожила без мамы целую неделю. Они никогда так надолго не расставались.

Вечером пришел дядя Марат, и они поехали в больницу.

Маму увидеть удалось всего на одну минуточку. Она была худая и бледная, но уже улыбалась. Маргарита только и успела обнять ее и поцеловать, а потом сердитая медсестра в голубой шапочке выгнала их из палаты. Она сказала, что мама еще очень слабая и ей нужен покой. И все гостинцы отдала им обратно. Маме пока можно было есть только куриный бульон.

– Давай варить бульон, – сказала Маргарита, когда они вернулись домой.

– Из чего?

– Купим курицу.

– Не на что. Все, что я сегодня заработал, мы уже потратили, – сказал дядя Марат.

Маргарита решительно тряхнула головой:

– Значит, завтра ты опять идешь на работу, а я – в школу.

– Нет, я не согласен. Это нечестно. Ты в школе можешь отдыхать, можешь сидеть просто так и в окно смотреть. А мне на работе отдыхать некогда. Если я зарабатываю деньги, ты должна зарабатывать хорошие оценки. Вот тогда будет справедливо.

– А у нас еще нет оценок.

– Как же вы учитесь, без оценок?

– Если хорошо отвечаешь, получаешь звездочку. А если плохо – треугольник.

– И сколько у тебя звездочек?

– У меня только треугольники. Звездочку очень трудно получить. Анна Андреевна просто так никому их не дает.

– Вот я и говорю: зачем в школу ходить, если там трудно? Я вырос без школы, и ничего. Все у меня прекрасно и замечательно.

– Ага, замечательно! Ты такой большой, а читать и писать не умеешь, – хмыкнула Маргарита. – Ты даже деньги посчитать не можешь. Тетенька на кассе за тебя считает.

— А зачем мне читать и писать? — пожал плечами дядя Марат. — Я же водителем работаю, а не писателем. Я специально такую работу выбирал, для которой школа не нужна. Прямо как ты. Мы вообще с тобой похожи. Мысли у нас с тобой одинаковые, желания одинаковые. Вот ты вырастешь и станешь такая же, как я. Будешь так же хорошо и весело жить.

— Жить как ты?

— Конечно!

Маргарита в ужасе уставилась на дядю Марата. Она вспомнила «пустые» макароны, чай без конфет и унылые серые дни в кресле с маминым телефоном.

— Я не хочу быть как ты, — испуганно сказала она. — Я как мама хочу.

— Как мама? Зачем? Это же трудиться надо! Постоянно учиться, с уроков не убегать и все домашние задания делать. Нет, у тебя не получится.

— Получится!

Маргарита схватила свой рюкзак и потащила к столу.

— Ты зачем мой стол заняла? — удивился дядя Марат, наблюдая, как она вытаскивает из рюкзака учебники и тетради. — Что ты собралась делать?

— Звездочки зарабатывать, — сказала Маргарита. — У меня их будет целая куча, вот увидишь.

Она, пытаясь от усердия, стала выводить в прописи корявые буквы. И не видела, как дядя Марат довольно улыбнулся себе в бороду.

Маму выписали только через две недели. Дядя Марат привез ее домой на своей большой грузовой машине. Они с Маргаритой приготовили праздничный ужин, потому что маму теперь нужно было откармливать после больницы – уж слишком она похудела.

Маргарита ни на шаг не отходила от мамы, вертелась возле нее, висла на шее. А если и отходила на секунду, то тут же подбегала, чтобы поцеловать. Она показывала маме свои тетрадки со звездочками и альбом по рисованию, где под одним из рисунков краснела размашистая надпись: «Молодец!»

– Как же вы с ней справлялись? – спрашивала мама дядю Марата. – Она вас, наверное, совсем замучила? Столько времени вы с ней!

– Да нет, что ты, Катя, вовсе не замучила, – усмехался дядя Марат. – Прекрасно справлялся.

– Даже и не знаю, как вас благодарить... Вам ведь из-за нее и работать было некогда, – сокрушалась мама.

– Все в порядке с работой. Там как раз мой отпуск подошел, вот я и взял две недели. Правда, стрекоза? – Дядя Марат подмигнул Маргарите. Та кивнула. Зачем маму расстраивать? Зачем ей знать, что дядя Марат сам на работу не хотел ходить и ее заставлял школу прогуливать? И что пришлось его очень долго перевоспитывать?

– Ты знаешь, Маргаритка, тетя Маша нашлась, – сказала мама. – Оказывается, она номер телефона сменила. И мне прислала сообщение утром в воскресенье, перед тем как ме-

ня в больницу увезли. А я даже и не вспомнила об этом. Поэтому вы ей и не дозвонились.

– Ну и ладно, – махнула рукой Маргарита. – Зато дяде Марату повезло.

– Почему ему повезло?

– А если бы я у него не осталась, как бы он читать научился? Представляешь, мама, он даже буквы не все помнил. А со мной уже по слогам читает. И даже считает до двадцати. Я его с собой сажала, когда уроки делала, и учила. Мам, он ничего не знает, ему снова в первый класс надо идти.

Мама вопросительно посмотрела на дядю Марата. И недоверчиво улыбнулась.

– Не веришь? – обиделась Маргарита и притащила свой букварь. – Читай, дядя Марат.

– Давай сначала ты, – сказал тот. – Чтобы я получше вспомнил и перед мамой не опозорился.

Маргарита довольно шустро прочитала текст. Потом принесла учебник математики и стала устно решать примеры на сложение и вычитание. И даже почти не ошибалась.

– Спасибо вам большое, Марат, – шепнула мама дяде Марату. – Вы просто волшебник!

Она шепнула совсем тихо, но Маргарита услышала.

– Чего это он волшебник? – воскликнула она. – Это я волшебница! Думаешь, просто заставить такого большого дядьку по букварю учиться? И следить, чтобы он с работы не убежал? Да я с ним замучилась совсем!

Мама и дядя Марат переглянулись и весело расхохотались. Непонятно почему. Ведь она ничего смешного не сказала. А они смеялись так, будто их рассмешил клоун в цирке. У дяди Марата даже слезы от смеха выступили. А мама вдруг схватила Маргариту в охапку и стала целовать со словами: «Ах ты моя волшебница!»

Взрослые вообще странные люди. Это Маргарита и раньше знала, а теперь в этом убедилась окончательно.

Второй класс. Второй «Б» не играет

– Ну, кто пятый? – спросила Надежда Митрофановна. – Нужен еще один человек. Ребята! Неужели никто не хочет поучаствовать?

Я и руку поднял, и на коленки на стуле встал, и даже подпрыгнул несколько раз. А она меня все равно не замечала.

– А вот в параллельных классах уже списки участников составили, – сказала Надежда Митрофановна. – И во втором «А», и во втором «В» нашлись по пять дружных семей, которые будут защищать честь своих классов. А наш второй «Б» разве хуже? Разве у нас нет дружных семей? Мы сдадимся без боя и даже бороться не будем?

Тут я еще выше запрыгал. Она что, не видит, что я готов бороться? Вот же я, пятый участник. Это моя дружная семья защитит честь второго «Б».

– Царев, сядь прямо, – одернула меня Надежда Митрофановна. – Хватит скакать, ты не на физкультуре. Ну, ребята, я жду! Бурцева, может быть, ты?

Эля Бурцева огорченно покачала головой:

– Мама не хочет. Она сказала, мы не наберем пять родственников.

– Эля! Ну почему пять? Ты и мама – уже двое. Вам нужно найти только троих. Папа, бабушка, дедушка... Даже дядю с тетей можно. Неужели никто не согласится?

– Мама сказала, никто не пойдет свой выходной тратить на такую ерунду.

– Ну не знаю! – Надежда Митрофановна развела руками. – Если важное школьное мероприятие для вас – ерунда...

Сальников, а твои родители тоже не хотят? Ты с папой говорил? Он же у тебя такой активный.

– Папа в выходные на рыбалку едет, – с обидой сказал Кирилл Сальников. – А мама генеральную уборку будет делать дома.

Им, как и мне, очень хотелось участвовать в семейной викторине среди вторых классов. Вместе сидеть за столом, вместе думать, вместе отвечать на вопросы. Вместе выиграть и получить приз. Ну, даже пусть не выиграть и остаться без приза. Все равно здорово! Всегда здорово делать что-то одной командой, вместе с мамой, папой, бабушкой, дедушкой и остальными.

А родители почему-то этого не понимали и отказывались.

– Надежда Митрофановна! – не выдержал я. – Можно я?

– Что – ты, Царев?

– Я буду участвовать.

– Ты?! Царев, не морочь мне голову. Сядь и успокойся.

– Надежда Митрофановна! Почему мне нельзя? Я же хочу!

– Ты-то, может быть, и хочешь. Но это семейная викторина. Ты понимаешь, Царев, се-мей-на-я! Для большой дружной семьи.

– Ну да. Вот у меня как раз большая и дружная семья.

– У тебя? Царев! У тебя же только мама. Да и ее я видела всего три раза за полтора года. Она совершенно тобой не интересуется. Даже на собрания не ходит.

– Она интересуется... У нее просто нет времени, – пробормотал я.

– А ты думаешь, она найдет время, чтобы прийти на школьное мероприятие? Нет, Царев, ты не подходишь.

Я сел. И отвернулся от нее. И стал смотреть в окно. На мокрые голые ветки.

Да, моя мама не ходит на собрания. Она на них не успевает. Собрания начинаются в шесть, а она работает до десяти. Пока доедет до дома – уже половина одиннадцатого. Ей и уроки у меня проверять некогда. Поэтому я хожу на продленку. Там я обедаю и делаю домашку. Потом иду домой и сижу весь вечер один. До половины одиннадцатого. А когда приходит мама, мне пора ложиться спать. Я даже поговорить с ней не успеваю. Потому что она почти сразу засыпает. Она очень устает. И ей рано вставать.

Да, нас всего двое – я и мама. Но у меня действительно большая семья. У меня есть папа. Просто он с нами не живет. Он классный, мы с ним дружим. Я люблю встречаться с ним. И оставаться у него на ночь. Но он очень часто уезжает в командировки. Ничего не поделаешь, у него такая работа.

Еще у меня есть бабушка и дедушка. Только они не вместе, они отдельные бабушка и дедушка. Бабушка – папина

мама, а дедушка – мамин папа. Дедушка одинокий, у него никого нет, и из-за этого он очень скучает. И всегда радуется, когда я к нему прихожу. Но он дома бывает нечасто. У него больные легкие, и он живет то в больнице, то в санатории. Потом чуть-чуть дома – и снова в больнице, а потом снова в санатории. А вот бабушке скучать некогда. С ней живет папин брат дядя Сева и его семья – жена и трое детей. Все дети маленькие, младше меня. Старшему, Владику, только-только исполнилось семь лет. У них дома всегда интересно, весело и шумно. Жаль, мама не разрешает мне часто ходить к ним. Она говорит, там и без меня народу полно, есть от чего с ума сойти.

А еще у меня есть сестра по папе, Настя. Ей двадцать лет, и она учится в институте. Мы редко видимся, только по праздникам. Настя уже взрослая, и ей со мной неинтересно.

Но она все равно моя семья, как и все остальные. Конечно, никто из них никогда не приходил ко мне в школу. Поэтому Надежда Митрофановна их не знает. И думает, что у меня никого нет, кроме мамы. Как ей объяснить, что не обязательно жить вместе, в одном доме, чтобы оставаться большой и дружной семьей?

– Ну что ж, – сказала Надежда Митрофановна. – Среда – последний день, когда мы можем подать заявку на участие. Если до среды не найдется пятая семья, второй «Б» вообще исключат из викторины. Поэтому прошу вас хорошенько подумать и поговорить с родителями. Неужели в нашем классе

всего четыре дружных семьи?

На перемене все начали кричать и возмущаться. Особенно громко орали Баженова, Кийко, Малышев и Тагиев. Это их дружные семьи согласились участвовать в школьной викторине. Это они уже несколько дней ходили с видом победителей. Они с гордостью посматривали на остальных, чьи родители не захотели тратить свой выходной на школу. И эти остальные им очень завидовали. А теперь получается, все зря? Если больше ничьи родители не согласятся, вообще никому не разрешат участвовать. Наш класс останется в зрительном зале, на месте болельщиков. А «ашки» и «вэшки» будут потом на нас пальцем показывать и смеяться.

– Вы что, маму собственную уговорить не можете? – кричала Инна Баженова. – Я вот как только сказала дома, что у нас школьная викторина, мама с папой сразу согласились!

– И мои сразу сказали, что обязательно пойдут! – поддакивал ей Руслан Тагиев. – И всех родственников с собой возьмут. У меня даже тетя двоюродная приедет.

– Какие вы умные! – кричал в ответ Коля Родин. – У меня мама работает по воскресеньям! А у папы только один выходной! А всяких двоюродных теток у меня нет!

– А мой папа сказал, иди сама на свое мероприятие, мне там делать нечего, – грустно сказала Оля Захарова. – Он говорит, я лучше на диване поваляюсь, телик посмотрю. Я не могу его уговорить.

– А я могу, – подал голос Егор Голубев. – Только не хочу.

Все замолчали на секунду, а потом заговорили все разом.

– Как это ты не хочешь?

– Нас же вычеркнут из викторины!

– Ты хочешь, чтоб мы проиграли?

– Чтоб говорили, что второй «Б» хуже всех?

Голубев лениво перекатывал во рту жвачку и усмехался.

– Да очень мне нужны ваши дурацкие детские игры!

– Почему дурацкие? Там за первое место планшет дадут, – горько вздохнула Эля Бурцева. – За второе – электронную книгу. А за третье – фоторамку. Тоже электронную.

– У меня уже три планшета и три рамки! А книги я все равно не читаю, – сказал Голубев. – Мы с папой лучше в аквапарк сходим или в боулинг, чем в воскресенье в школе торчать.

– Куда ходите? – не поняла Маша Кийко. – В аквапарк и... куда?

– В боулинг, Кийко, в боулинг.

– А что это?

– Ты что, не знаешь, что такое боулинг? Какая ты дремучая!

– Это где шары деревянные по дорожке катаются, – пояснил Кирилл Сальников.

– Сам ты, Сальников, деревянный. Там шары из специальной пластмассы, – насмешливо произнес Егор.

– Голубев, признайся, что ты просто не можешь своего папу уговорить. Вот и выдумываешь, будто тебе не хочется, –

сказал Коля Родин.

– Чего?! Да если я захочу, папа на эту викторину прибежит как миленький! И маму приведет, и еще кучу родственников.

– Да? А что же твой папа на День учителя не пришел? Что же он не посмотрел, как ты выступаешь? Все родители были! Ну, конечно, кроме мамы Царева.

– Да потому что я не хотел! Я ему даже сказал не приходить. А если бы я захотел, он бы еще как пришел!

– Да ты врешь!

– Не вру! Мой папа все для меня сделает. Не веришь?

– Не верю!

– Поспорим?

– Давай!

И они поспорили. И договорились, что если папа Голубева придет в школу в воскресенье, то Родин залезет на парту и будет кричать: «Я лузер». А если откажется, то кричать на парте будет уже Голубев.

После уроков я задержался в классе.

– Надежда Митрофановна, – позвал я. – Я сегодня могу спросить у мамы. Вдруг она будет свободна в воскресенье? И у папы могу спросить.

– Нет, Царев, не спрашивай ни у кого, – сказала она.

– Ну почему?!

– А если твоя мама пообещает и не придет? Представляешь, как она нас подведет? Получится, что столько народу,

все четыре семьи, пришли зря. Лучше сразу отказаться. Иди, Царев, мне кабинет закрывать надо.

И я пошел домой. У меня было такое плохое настроение, что я не остался на продленке. Весь день и вечер я просидел возле компьютера, но даже играть не мог. Все думал о школьной викторине. Представлял, как мы все сидим за одним столом в школьном зале – я, мама, папа, дед, бабушка и даже дядя Сева. Хотя дядя Сева и не нужен, достаточно пяти человек. Но пусть он тоже будет. Надежда Митрофановна говорила, что за одним столом могут находиться от пяти до восьми игроков. А самой большой семье дадут специальный приз – за дружбу и сплоченность. За то, что не пожалели времени и пришли поддержать своего второклассника.

Как только мама вошла в квартиру, я бросился к ней. И стал рассказывать о викторине.

– Викторина? – рассеянно пробормотала мама. – Да, да, очень интересно. Конечно, сходи. Тем более что мне в воскресенье надо выйти на работу.

– Как на работу?! – воскликнул я. – Ты ведь в прошлые выходные работала!

– Ну что ж, сынок, так получилось. Сменщица попросила подменить.

– Ты же обещала! Ты говорила, что в следующее воскресенье будешь дома, со мной!

– Вань, но ей очень нужно. Она идет в музыкальную школу, на концерт к сыну. – Мама попыталась погладить меня

по голове. Я увернулся и закричал:

– А мне?! Мне не нужно?! Ты никогда не ходишь на мои праздники!

– Ваня, ну ты же не в детском саду, чтобы к тебе ходить! И потом, я работаю! Чтобы у тебя было все что нужно.

– Мне нужно, чтобы вся моя семья пришла на викторину!

– Ваня! Какая семья? Ты да я – вот и вся семья. Ну, еще наш дед. А все папины родственники – это не наша семья. Им и дела нет до нас. Мы с тобой им до лампочки.

– Это неправда! Я папе не до лампочки!

– Ну что ты расстраиваешься? Подумаешь, какая-то школьная викторина. Это неважно. Их еще столько будет за десять лет.

– Но такой больше не будет! И это очень важно. Как ты не понимаешь? – сказал я и пошел в свою комнату. И лег спать.

А назавтра в школе я постоянно смотрел на Голубева. И все боялся, что он скажет: «Мой папа согласился. Мы участвуем. А что я вам говорил?» Мне было все равно, кто выигрывает спор – Голубев или Родин. Но я не хотел, чтобы семья Голубева заняла место за свободным столом. Это наше место! Это мы будем там сидеть. Я попрошу их, и они все придут. Ради меня. И тогда все увидят, что у меня есть семья. И что она большая и дружная.

Голубев так ничего и не сказал за весь день. Наверно, его папа еще не дал согласие. А Надежда Митрофановна сообщила, что завтра утром отменит участие нашего класса в

викторине. И еще сказала, что это позор для всех нас. Такого в школе никогда не было, чтобы целый класс отказался участвовать.

После продленки я позвонил папе. Он приехал за мной, и мы пошли гулять в торговый центр. Потому что на улице было ветрено и сыро, а в торговом центре – тепло и сухо.

– Ну-ка, ну-ка, что за викторина? – спросил папа.

Я ему рассказал. Что это очень похоже на передачу «Что? Где? Когда?». Что каждая большая семья – это команда, что командам задают одинаковые вопросы. Команды сообща думают и пишут ответы на листах. А потом жюри выбирает, сколько правильных ответов у каждой команды. И награждает победителей.

– Здорово, правда? – спросил я. – Мы же можем пойти? Все вместе!

Папа замялся:

– Я бы обязательно с тобой пошел... Только завтра я улетаю в Питер. И вернусь через неделю, во вторник. В воскресенье меня здесь не будет. Ваня, мне правда жаль. Но работа... Ты уже большой, сам все понимаешь.

Я даже есть расхотел. И недоеденный гамбургер от себя отодвинул. Как? И папа тоже? Уже минус два человека. Где я теперь наберу нужное количество игроков?

– Подожди, мы сейчас у бабушки спросим, – сказал папа и стал набирать номер.

Я встал из-за стола и подошел к прозрачному бортику кат-

ка. Там, на льду, катался дошкольник в красной кофте с енотом на спине. Вернее, не катался, а учился стоять на коньках. Ноги у него разъезжались, и он все время норовил упасть. А его мама и папа, тоже на коньках, держали его с двух сторон за руки и смеялись. И он тоже смеялся. А его дедушка стоял у бортика, недалеко от меня, и кричал:

– Давай, Сашок, давай! Держись! Ты молодец!

Я тяжело вздохнул и отвернулся. Наверно, раньше у меня тоже такое было, когда и папа, и мама, и дедушка, и бабушка – все вместе. И я тоже был такой счастливый... Только я этого не помню.

– Вань, – окликнул меня папа. – Во сколько у тебя начало?

– В двенадцать тридцать. – У меня подпрыгнуло сердце. Неужели? Они согласились? Ну да, точно согласились, ведь время просто так не спрашивают.

Папа сказал в трубку:

– Все понятно. Ну, пока. Привет всем!

– Что? – Я в ожидании уставился на него. – Придут?

Папа покачал головой:

– У них билеты на двенадцать в кукольный театр. На всю семью.

– На всю семью?

Я развернулся и пошел прочь от фуд-корта. Ну да, на всю семью. Ведь это у них большая семья. И я в эту семью не вхожу. Правильно мама сказала, мы им до лампочки.

Папа догнал меня:

– Ваня! Не переживай! Давай договоримся, что на следующее школьное мероприятие я обязательно приду. Я обещаю. И бабушку приведу, и дядю Севу. Ты только скажи заранее. Хорошо?

– Нет, не надо, – сказал я. – Зачем ко мне приходиться? Я же не в детском саду.

Папа отвез меня домой. Я вышел из машины и равнодушно попрощался с ним. Не потому, что обиделся на него. Просто мне стало все равно. И когда вечером пришла мама и сказала, что дедушка снова уехал в санаторий, я даже не огорчился.

Ну и что, что не осталось ни одного человека, которого можно было бы позвать в школу? Ничего страшного. Ко мне никогда никто не приходит. Я привык.

В среду появился сияющий Голубев и громко объявил, что его родители обещали прийти на викторину. Надежда Митрофановна так обрадовалась, что тут же побежала подавать заявку, прямо на уроке. А мы остались под наблюдением старосты Ники Поляковой. Но кто же слушает старосту? Особенно девчонку? Особенно когда нет учителя?

– Родин! Давай лезь на парту! – сказал Голубев и ухмыльнулся.

– Не лезу, – отказался Родин.

– Как это не полезешь? Ты проиграл.

– Еще не проиграл. Был уговор: если твой папа придет на викторину, а не просто согласится.

– Да какая разница? Если он согласился – считай, уже пришел. Меня папа никогда не обманывает. Ты проиграл, лузер. Лезь и кричи об этом.

– Вот когда придет, тогда и буду кричать. Подождем до воскресенья.

– Так нечестно! – заорал Голубев и полез на Родина с кулаками. Подраться им не дали, мальчишки навалились кучей и растащили их в разные стороны. И согласились с Родиным, что спорили именно на то, придет папа или нет. Конечно, никто не сомневался, что придет, раз обещал. Тем более Надежда Митрофановна внесла их семью в списки игроков. Все понимали, что Родин уже проиграл. Просто Голубева никто не любил. Он был слишком вредный.

В воскресенье утром мама несколько раз щупала мне лоб. Она и в субботу вечером щупала. Ей почему-то казалось, что я заболел.

– Ты какой-то странный, – говорила она. – Ты себя хорошо чувствуешь?

– Нормально, – отвечал я.

Я чувствовал себя не больным, а очень-очень усталым. Так бывает, когда летом очень долго плывешь по реке против течения. А потом выходишь на берег, а ноги дрожат и не слушаются. И руки не поднимаются, словно на них гири висят. Хочется упасть и не шевелиться. Но это после реки... А сейчас почему я так устал? От чего?

– Ты на свою викторину-то пойдешь? – спросила мама,

собираясь на работу.

– Пойду, – равнодушно сказал я. – Велели всем прийти.

Мама озабоченно посмотрела на меня и ушла. Я снова лег в постель и пролежал до половины двенадцатого. А потом с трудом встал и пошел в школу. Смотреть, как играют большие дружные семьи.

В актовом зале царил непонятный переполох. Наш класс встревоженно гудел. Надежда Митрофановна с всклокоченной прической и большими глазами бегала взад-вперед.

– Что случилось? – спросил я.

– Мы не будем играть! – закричала Инна Баженова. – Наш класс вычеркивают!

Она чуть не плакала.

– Почему не будем? – удивился я.

– Все из-за него! – зло сказал Руслан Тагиев и кивнул в сторону.

Я обернулся и увидел Голубева. Его было не узнать. Он не ухмылялся как обычно, не жевал жвачку, не смотрел на всех с презрением. Он сидел на полу, забившись в самый дальний угол за последним рядом. Бледный, растерянный, с дрожащими губами.

– Его семья не пришла! – воскликнула Маша Кийко. – И теперь мы все пойдем по домам! Из-за этого дурака набитого!

– Как не пришла? – поразился я.

– Вот так и не пришла. Они на шашлыки уехали. Сегодня

же последний теплый выходной.

– А он как же? Без него уехали?

– За ним потом водитель приедет.

Я не мог поверить. Как это? Пообещали – и не пришли? Как они могли? Все на них надеялись! А теперь весь класс снимут с соревнований. Сам Голубев ни при чем, а получается, что он всех подвел? У меня даже мороз по коже пробежал. Если бы моя семья так сделала, я бы, наверно, умер на месте. Как хорошо, что они сразу отказались!

– Эй, Голубев! – крикнул Олег Малышев. – Вылезай! Ты проспорил! Сейчас кричать будешь.

Голубев еще ниже опустил голову в своем углу и не тронулся с места.

– Голубев! Ты лузер! – подхватил Сальников. – Колян, иди сюда, Голубев тебе что-то сказать хочет.

– А пусть он кричит: «Я лузер, спасибо папе!» – предложил Тагиев.

– Давайте его сюда притащим, – азартно выкрикнул Малышев. – Прямо за шиворот!

Родин подошел, посмотрел на Голубева и сказал:

– Не надо, оставьте его в покое. Он и сам знает, кто он.

Мимо нас снова пронеслась расстроенная Надежда Митрофановна и исчезла за дверями зала.

– А у меня сейчас родители придут, – мрачно проговорила Баженова.

– И мои тоже, – вздохнул Тагиев. – Что делать?

– А вон уже чья-то мама пришла, – сказала Кийко. Я поднял голову, и у меня подкосились ноги от неожиданности.

Я увидел маму. Мою маму. Это что, сон?

– Ваня! – крикнула мама и помахала мне рукой.

Не сон! Я со всех ног бросился к ней:

– Мама! Ты пришла! А как же работа? Ты же поменялась...

– А я обратно поменялась. Я видела, как ты хочешь, чтобы я пришла.

Я обхватил маму руками. И мне было все равно, что на меня смотрят одноклассники. Пусть завидуют. Моя мама пришла ко мне! В первый раз!

– Мам, только ты напрасно менялась. Все равно мы играть не будем.

– Ничего, – улыбнулась мама. – Тогда просто посмотрим.

И тут произошло нечто удивительное. И невероятное. Как в волшебной сказке. В дверях зала появился... папа. А за ним – бабушка, дядя Сева и вся его семья, даже маленький Славик.

– Ну что, Ваня, хороший сюрприз получился? Я же обещал тебе всех собрать! – сказал папа.

– Папа! – воскликнул я. – Ты же в Питере! А вы все – в кукольном театре.

– Я прилетел на один день, – пояснил папа. – Не мог же я тебя оставить без поддержки, правда?

– А мы билеты поменяли, – сказал Владик. – Мы в театр

вечером пойдем. А сейчас будем за тебя болеть. Ой, смотрите, и Настя пришла.

К нам подошла моя сестра Настя. И не одна, а со своим женихом Валерой.

– Ничего себе, сколько вас тут! – весело удивилась она. – Пап, ты же сказал, Ванек совсем один на школьной игре. Вот мы с Валерой решили прийти поболеть за него. А тут, оказывается, такая мощная группа поддержки!

Они все стояли вокруг меня, разговаривали, шутили, смеялись. А я смотрел на них и не мог поверить, что все это правда. Что они все здесь (кроме бабушки, конечно). Что они отложили свои дела и пришли. Ради меня.

– Хотя объясните, во что надо играть, – попросила Настя. – Вдруг мы этой игры не знаем?

– Ни во что, – сказала мама. – Мы не будем играть. Мы все будем зрителями.

– Нет, подождите! – крикнул я, словно очнувшись. – Мы будем играть!

И побежал разыскивать Надежду Митрофановну.

Нам разрешили участвовать в викторине вместо семьи Голубевых. Надежда Митрофановна облегченно вздыхала и вытирала лоб платочком. И удивленно переводила взгляд с мамы на папу, с папы на дядю Севу и остальных. Конечно, ведь она и представить не могла, что у меня столько родственников. Потом она погладила меня по голове и сказала, что я молодец. Что я спас весь класс.

Вокруг стола поставили целых семь стульев, чтобы усадить всю нашу большую семью. Не поместилась только тетя Лариса с детьми. Они сидели в зале, в первом ряду и очень горячо за нас болели.

Мы не победили и не выиграли планшет. Да и книгу с фоторамкой тоже не выиграли. Мы слишком часто отвечали неправильно и заработали мало баллов. Но зато нам было очень весело, наши ответы были самые остроумные, и нам громче всех аплодировали зрители в зале. А когда ведущий говорил: «Отвечает семья Ивана Царева», – у меня внутри все сжималось от счастья.

Но, несмотря на нашу плохую игру, приз мы все же получили. Нас объявили самой дружной и сплоченной семьей. Больше ни в одной команде не было семи игроков. Нам вручили огромный-преогромный торт. Мы привезли его домой на заднем сиденье папиной машины, а потом все вместе пили с ним чай и вспоминали, как здорово мы провели время.

Такого прекрасного дня у меня не было за всю мою долгую школьную жизнь!

Третий класс. «Пардон», «мерси» и «о-ля-ля!»

Ромка Орешкин ворвался в свой третий «А» как ураган, даже стул по пути опрокинул.

– Французского не будет! – восторженно завопил он. – «Французы», домой! А ля мезон!

– Ура-а-а! – разом взревели девять человек из французской группы. Остальные семнадцать только завистливо вздохнули. Эта радостная новость их не касалась. Они были «англичанами». И им предстояло сейчас писать словарный диктант на тему «Одежда».

– Вечно этим «французам» везет, – ворчали они, собирая школьные сумки, чтобы идти в кабинет английского языка. – И так толком не учатся, а еще уроки у них отменяют. И учительница добрая, не то что у нас!

«Французы» скакали по классу, злорадно хохотали и кричали:

– Раньше надо было думать! Нечего было на английский записываться! Сбежали от нас! Вот и мучайтесь теперь.

«Англичане» хмурились, огрызались и по одному исчезали за дверью. Если бы они только знали, что французский учить легче, ни за что бы не согласились на английский! Это всё мамы. Это они ходили гурьбой за учительницей английского и умоляли:

– Ну возьмите моего сына к себе! Мы хотим на английский.

– Моя дочь обязательно должна учить английский! Она с четырех лет ходит к репетитору.

– Зачем нам французский? Куда мы с ним потом? Сейчас кругом английский.

Англичанка сопротивлялась как могла, говорила, что возьмет ровно половину класса, как и положено. А половина класса – это тринадцать человек. Группа не резиновая, лишние ученики туда не поместятся. Но в конце концов самым настойчивым мамам удалось втиснуть в английскую группу еще четверых. Вот и получился такой перевес – семнадцать «англичан» и всего девять «французов».

– А почему не будет французского? – спросила Даша Каткова, круглая отличница. – Лидия Сергеевна простудилась?

– Да нет, не простудилась! – крикнул Ромка, лихо отплясывая на парте. – Руку сломала. Так сильно, что аж в больнице лежит.

Шум постепенно стих. «Французы» растерянно замолчали. И Ромка опомнился и слез с парты. Как-то нехорошо так бурно радоваться, когда любимая учительница лежит в больнице. Ведь она уже старенькая, ну совсем бабушка. А старым людям ломать ничего нельзя. У них кости плохо срастаются.

– А у меня папа ногу ломал, – помолчав, сказал Максим Данилов. – Целых два месяца по дому на одной ноге прыгал. А когда гипс сняли, он с палочкой ходил, потому что нога

еще долго не сгибалась.

— А я руку ломала. — Лера показала на правую кисть. — Вот здесь. Больно — ужас!

— А я обе, — похвастал Стас Ковальчук. — У меня руки были в гипсе и вот такие растопыренные в разные стороны. Я даже в дверь не мог войти. И меня с ложки кормили, как маленького.

Все снова зашумели. Стали кричать и наперебой хвастаться, кто что ломал в детстве. А потом Артем Мирошниченко, который никогда ничего не ломал, сказал:

— Так значит, Лидия Сергеевна и на следующий урок не придет?

— Конечно, не придет! — воскликнул Ромка. — Кто ж ее из больницы отпустит? Она долго болеть будет. Может, даже до конца четверти.

И все снова стали потихоньку радоваться. Хоть и любимая учительница, хоть и ставила она всегда пятерки, но совсем без урока лучше! Целый месяц не будет французского, и можно идти домой уже после четвертого урока. А в пятницу — даже после третьего. А эти дурачки «англичане» пусть сидят за партами и зубрят свои неправильные глаголы.

Тут прозвенел звонок на урок, в класс вернулась учительница третьего «А» Ольга Викторовна. И действительно отпустила всех «французов» по домам. Она отпустила их и в среду, и в пятницу. Потом они уже и сами уходили, не дожидаясь разрешения. А чего дожидаться, если и так ясно,

что урок вести некому? Правда, в школе была еще одна учительница французского, но на ней «висело» так много классов, что еще одну маленькую группу «повесить» было просто некуда.

И вдруг через две недели на последнем уроке Ольга Викторовна объявила:

– Французская группа, никуда не уходите. Сегодня у вас будет урок.

«Французы» переглянулись и зашептались. Какой еще урок? Неужели Лидия Сергеевна вернулась? Почему так рано? За две недели сложные переломы не вылечиваются.

«Англичане» собрались и ушли в другой кабинет, а «французы» остались на своих местах. В школе был всего один кабинет французского языка, и как раз в это время его занимали старшеклассники. Поэтому французская группа обычно училась в своем классе. Со звоном пришла Ольга Викторовна и привела с собой какую-то невысокую девушку в очках. Наверно, из одиннадцатого класса. А может, даже из десятого.

– Еще чего, – пробормотал себе под нос Ромка, – вот только старшеклассники нас не учили!

– Во-во! Будет корчить из себя крутую училку, – прошептал в ответ Максим.

Все, кто сидел рядом, согласно закивали.

– Познакомьтесь, ребята, – сказала Ольга Викторовна. – Это ваша новая учительница французского языка, Владисла-

ва Константиновна.

«Французы» застыли с открытыми ртами. Как учительница? Вот эта маленькая худенькая десятиклассница – учительница? Разве учителя такими бывают?

– Владислава Константиновна учится в институте. А в нашей школе она проходит практику и будет замещать Лидию Сергеевну. Ну ладно, вы пока знакомьтесь, а я выйду ненадолго. Но имейте в виду, Орешкин и Ковальчук, и Данилов с ними: я здесь, рядом. Ведите себя прилично.

Ольга Викторовна ушла. А не похожая на учительницу Владислава Константиновна подошла к столу, положила учебник и тетрадь, которые держала в руках, и вдруг заговорила на непонятном языке.

– Вау! – восхищенно прошептала отличница Даша Каткова, когда Владислава Константиновна замолчала. – Класс! Звучит как песня.

Остальные сидели и хлопали глазами. Из всего, что сказала новая учительница, они поняли только одно слово – «бон-жур». И то сомневались, тот ли это «бонжур», который «здравствуйте». Владислава Константиновна произнесла его совсем по-другому, как-то по-иностранному. И сама стала вдруг похожа на иностранку. Даже появились кое-какие сомнения в том, что она вообще умеет говорить по-русски.

Но, оказалось, умеет.

– Ребята, вы всё поняли? – спросила учительница. И сразу стало понятно, что никакая она не иностранка. По-русски

она говорила свободно и без акцента.

— Неа, мы вообще ничего не поняли, — сказал Ромка. — А вы на каком языке говорили?

— На китайском! — фыркнул Стас, и все сразу захихикали и завозились.

— Я говорила по-французски, — без улыбки сказала Владислава Константиновна. — Это самые простые фразы, которые в конце третьего класса уже надо знать. Ну хорошо, я буду говорить медленнее, чтобы вам было понятно. Может быть, вы просто не привыкли к моему произношению.

Владислава Константиновна заглянула в журнал:

— Балабанова!

Лера встала.

— Что надо сказать? — спросила учительница.

— Кому сказать? — не поняла Лера.

— Мне.

— Вам?

— Мне, мне. Я называю твою фамилию, ты встаешь и говоришь... что?

— Что? — тупо повторила Лера.

Владислава Константиновна сжала губы и поправила очки. Наверно, рассердилась. А может, она сжимала губы и поправляла очки независимо от своего настроения. Этого никто из группы не знал. Они же видели ее в первый раз в жизни.

Учительница снова заглянула в журнал:

– Данилов!

Максим встал. Он, конечно, понял, что должен что-то сказать. Но он и представления не имел, что именно надо говорить. Лидия Сергеевна начинала урок совсем не так. И общалась с ними всегда по-русски.

– Ну? – Владислава Константиновна выжидательно уставилась на Максима. Тот помолчал, помолчал и спросил:

– Что?

– Говори.

– Что?

– Перестань «чтокать»!

– Я не «чтокаю». А что говорить?

– Сэ муа, – сказала учительница, снова поправляя очки. На этот раз нервно. Наверно, уже и в самом деле сердилась. – Ты должен сказать: сэ муа.

– А что это?

– «Это я».

– Вы?

– Данилов, прекрати паясничать! Фраза так переводится: «Это я». Сэ муа. Третий «А», вы надо мной издеваетесь? Почему вы притворяетесь, что ничего не понимаете?

Ее голос напряженно зазвенел, а щеки покраснели.

– Мы не притворяемся! – воскликнула Яна Садовская. – Мы и правда ничего не понимаем. Мы не знаем таких слов.

Все согласно закивали с очень серьезными лицами. Чтобы новая учительница перестала думать, что они над ней изде-

ваются. Владислава Константиновна растерянно спросила:
– Как не знаете? Это программа второго класса. Вы не знаете фраз, которые говорят в начале урока? Может, вы и фраз о погоде никогда не слышали?

– Нет, – сказала Яна.

Француженка недоверчиво переводила взгляд с одного на другого.

– А как знакомиться, знаете? Назвать свое имя, спросить, как зовут собеседника, сказать, что вам очень приятно?

Группа молча качала головами.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Владислава Константиновна. – У вас же в журнале одни пятерки. А что ж вы тогда знаете?

– «Бонжур» знаем и еще «о’ревуар», – сказал Артем.

– А ля мезон, – добавил Ромка. – А л’еколь.

Все оживились и стали выкрикивать французские слова, которые приходили в голову:

– Тужур!

– Лямур!

– Пардон!

– Мерси!

Но очень скоро слова иссякли, и группа замолчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.